

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Генерал Воронцов	5
Побег из Каира	12
Британский оборотень	73
Последний танец агента Аш-21	116
Полковнику никто не пишет	159
Смертельные гастроли.	211
Мадемуазель Доктёр	275
Эпилог. Старший следователь Волин	317

ПРОЛОГ

ГЕНЕРАЛ ВОРОНЦОВ

Отставной генерал-майор КГБ Сергей Сергеевич Воронцов с самого утра безбожно хандрит. Впрочем, по внешним признакам догадаться об этом было трудно, как невозможно бывает догадаться о том, что хандрит черепаха — ну, разве что она втянет голову в панцирь, да и это может значить что угодно, например то, что она просто решила впасть в спячку.

Сергея Сергеевича трудно было назвать черепахой, однако в силу возраста и привычки он почти постоянно находился внутри своего панциря. Таким образом, определить его настроение на глаз было почти невозможно. Сделать это могли только очень близкие люди, но таковых у Воронцова практически не осталось, если не считать старшего следователя СК Ореста Волина и немногих бывших сослуживцев. Правда, сослуживцев можно было тоже не считать, потому что в живых не осталось почти никого: одни умерли от старости, другие — от иных, тоже вполне прозаических причин, потому что хотя работники органов — люди не совсем обычные, но, в сущности, ничто человеческое им не чуждо. Говоря совсем просто, сослуживцев у генерала поубавилось из-за неумолимого хода времени, которое не разбирает звания и должности, а косит всех, не глядя на погоны.

Единственным по-настоящему близким человеком была для Воронцова Танечка, Татьяна Алексеевна Троицкая, которая, впрочем, даже не стала его женой. Несмотря на искреннюю с его стороны любовь, Танечка предпочла ему актера. Дело давнее, конечно, нет уже больше на свете ни того актера, ни самой Танечки, и давным-давно генерал простил ее и его тоже простил. И если подкатывало иногда к горлу, то не злость это была и не обида, а тоска, смертная тоска, что жизнь хоть и длинная, и яркая даже, а все равно вильнула хвостом, как лиса, да и прошла мимо. Воронцов так и не женился, и детей не завел, потому что прожить всю жизнь бок о бок с одной женщиной мог он, только если женщиной этой стала бы Танечка, ну, или такая же, как она. Но таких больше не было в целом свете, вот и остался он бобылем, и единственный, кто немного скрашивал его старость, был внук Танечки, Орест Витальевич Волин, о котором уже говорилось несколько выше по течению.

Конечно, Волин не был генералу родственником в буквальном смысле, но генерал наблюдал за ним с младых ногтей, а это в глазах Воронцова значило, пожалуй, не меньше, чем если бы он был его собственным внуком.

Волин да еще муза истории Клио — вот кто поддерживал Сергея Сергеевича в его постоянной битве со временем. Помимо того, что Воронцов носил генеральские погоны, он по совместительству сделался еще и историком спецслужб. При этом наука история неожиданно для Воронцова такое возымела на него влияние, что с каждым годом генерала в нем оставалось все меньше, а историка — все больше.

Конечно, он был человек трезвый и понимал, что история никакой пользы человечеству не приносит — хотя бы потому, что никто не извлекает

из нее никаких уроков. В этом смысле математика гораздо полезнее, потому что человек, вооруженный последними достижениями математики, всегда может обсчитать и обжулить другого, который в математике не смыслит ни уха ни рыла. Если приглядеться, то полезнее истории были почти все остальные науки, даже наука лингвистика. Опытный лингвист всегда переспорит оппонента, а нет, так хотя бы эффектно пошлет его в такую даль, в которую самостоятельно, без направляющих указаний, пожалуй, что и не доберешься никогда.

Могло показаться, что историей генерал занимается просто из чистой любви к науке, пусть даже и совершенно бесполезной. На самом деле это было не совсем так. Помимо чисто научного интереса, Воронцов имел тут также интерес практический.

Дело в том, что Сергей Сергеевич ввиду его возраста сам был, если можно так выразиться, частью истории — если не древней, то, по крайней мере, новейшей. Так уж сложилась биография, что Воронцов служил и в разведке, и контрразведке, и повидал он за свою жизнь немало разного и всякого. Не боясь преувеличений, можно сказать, что мимо него не прошло ни одно мало-мальски значимое событие второй половины двадцатого века. Понятно, что в глубине души лелеял он надежду поделиться не только ходом этих самых событий, но и собственным научным взглядом на причины и следствия всего происходящего, для чего втихомолку, втайне от всего света, писал собственные мемуары. В мемуары эти должны были войти такие главы, как «Генерал Воронцов и итоги Второй мировой», «Генерал Воронцов и полет человека в космос», «Генерал Воронцов и авария на Чернобыльской АЭС», «Генерал Воронцов и Кэмп-Дэвидский сговор», и многое другое. И хотя почти

во всех вышеуказанных событиях Сергей Сергеевич принимал некоторое участие, однако всех деталей случившегося, разумеется, знать он не мог, особенно если дело касалось пресловутой мировой закулисы, которая на то и закулиса, чтобы прятаться от людей и до последнего не выдавать своих постыдных тайн. И вот тут-то ему на помощь и должна была прийти наука история, которую он с большим прилежанием изучал — в первую очередь, конечно, ту ее часть, которая касалась истории спецслужб.

Немного смущало генерала совпадение его славного имени с именем другого офицера КГБ, майора Сергея Яковлевича Воронцова, который, движимый личной неприязнью ко всему советскому, перешел на сторону ЦРУ. Генералу была неприятна мысль о том, что при публикации воспоминаний одного Воронцова могут перепутать с другим и мемуары Сергея Сергеевича начнут публично сжигать ветераны движения «Наши» и другие советские патриоты, которых немало у нас осталось после развала СССР. Впрочем, генерал успокаивал себя мыслью о том, что все-таки перепутать двух Воронцовых довольно сложно. Во-первых, наш Сергей Сергеевич был целым генералом, а второй Воронцов — всего только майором. Во-вторых, генерал Воронцов родился лет на пятнадцать раньше майора Воронцова. И наконец, майор Воронцов не мог написать никаких мемуаров, поскольку был осужден за предательство и расстрелян в самый разгар перестройки, в 1986 году, а генерал Воронцов был жив, здоров, получал большую пенсию, какую платят людям из спецслужб, и собирался напрягать Пенсионный фонд России своим существованием еще какое-то количество лет.

Учтя все вышесказанное, Сергей Сергеевич успокоился и продолжал писать свои мемуары. С каж-

дым годом мемуары эти разрастались и становились все интереснее. В сущности, уже сейчас можно было выпустить несколько готовых томов, однако Сергей Сергеевич не торопился. Он полагал, что еще не время говорить всю правду, но оно, безусловно, настанет — и довольно скоро. Воронцов искренне надеялся увидеть свой труд опубликованным до того, как его в царство Аида призовет перевозчик мертвых Харон.

Большим подспорьем в работе стали для генерала дневники действительного статского советника Загорского, первую часть которых случайно обнаружил старший следователь Волин, а вторую привезла из Франции его девушка Ирэн Белью, для друзей — просто Иришка. Мемуары, правда, оказались зашифрованы, но с этой проблемой Воронцов справился легко, а позже научил дешифровке и Волина, чтобы не тратить времени, которого, вероятно, оставалось ему не так уж и много.

Читая мемуары Загорского, Сергей Сергеевич учился у разведчика старой школы, как из груды фактов отбирать необходимый материал, как художественно его организовывать и максимально ярко доносить идею до читателя. Тут Загорскому не было равных, и даже, по мнению генерала, соперничать с ним не мог ни Конан Дойль, ни Агата Кристи, ни даже сам Юлиан Семенов.

От многомудрых литературоведческих размышлений генерала отвлек телефонный звонок. На экране высветился волинский номер.

— Слушаю, — сказал Воронцов, беря трубку.

— Сергей Сергеевич, у меня для вас сюрприз. — Голос у старшего следователя был веселый. — Я тут наконец расшифровал новую порцию дневников Загорского.

— И чего там? — оживился генерал.

— Кое-что новенькое, — отвечал Волин. — Эта тетрадь особенная! Она не похожа на те, что были раньше.

— Не томи, рассказывай, — проворчал Воронцов.

— Нет, — засмеялся старший следователь. — Такое в двух словах не расскажешь, такое надо читать. Уже послал вам расшифровку на почту, так ловите и распечатывайте.

— Мерси, — коротко отвечал генерал, вешая трубку.

Он открыл компьютер, вошел в почту, сбросил файл от Волина в папку «Загорский», по вечной своей недоверчивой привычке на всякий случай проверил антивирусом и лишь затем открыл и отправил на печать. Сам же после небольшого размышления двинул на кухню — заваривать чай.

Когда спустя десять минут он вернулся, неся в руках поднос с чайником, чашкой, заварочными пакетиками и своим любимым печеньем, на принтере уже лежала стопка распечатанных листов формата А4. Воронцов установил поднос на журнальном столике, заварил себе чаю, потер ладони, то ли радуясь предстоящему чтению, то ли просто разогревая замерзшие руки, опустился в кресло, взял первый лист в руки и усмехнулся.

Волин был начинающим дешифровщиком, но при этом опыт работы в силовых структурах был у него большой. Иными словами, к любой бумажной работе он относился с максимальным тщанием и аккуратностью, потому что в его службе аккуратность в бумагах была делом едва ли не более важным, чем само следствие. Например, раскрыл ты сложнейшее преступление, а суд не принимает его

к рассмотрению, потому что оформил ты его не должным образом.

Так же тщательно подошел Волин к оформлению расшифрованных им дневников Загорского. Титульный лист торжественно гласил: «Нестор Загорский. Тетрадь № 16». Далее, однако, шел вовсе не текст действительного статского советника, как можно было ожидать, а некоторые технические детали, важные с точки зрения старшего следователя.

Опись, созданная Волиным, выглядела следующим образом.

«Тетрадь в синей обложке, похожа на общую ученическую, 36 листов. Листы внутри тетради пожелтевшие от времени, ветхие, в относительной сохранности. В двух местах целостность листов нарушена, в связи с чем пришлось проводить работу по восстановлению текста. Почерк разборчивый, каллиграфический. Цвет чернил черный. Текст зашифрован. Стенография по системе Штольце-Шрея с использованием правил нотной записи Терне.

Форма повествования: дневниковые заметки, разделенные на шесть неравных частей. Жанры: мемуары разведчика, воспоминания следователя. Повествование захватывает большой временной отрезок — с 1883 по 1925 год. По ряду факторов можно определить, что все части писались примерно в одно время, скорее всего не раньше осени 1925 года».

— Не знал, что Орест Витальевич у нас такой педант, — шуточно проворчал генерал себе под нос. — Не следователь, а буквоед. Аккуратист. Канцелярская крыса.

И, отпив чаю из белой фарфоровой чашки, принялся за чтение.

ПОБЕГ ИЗ КАИРА

История эта, по некотором размышлении вполне подходящая под разряд занятных и даже любопытных, случилась в тысяча восемьсот... Впрочем, неважно, когда именно она случилась, тут можно обойтись известной формулой пролетарских остряков — случилась в одна тысяча восемьсот мохнatom году. Год этот, при всей его мохнатости, не настолько далек, чтобы оказаться совершенно забытым, и более того, до сих пор живы некоторые свидетели сего происшествия, в случае необходимости готовые подтвердить его подлинность, и без того, надо сказать, вполне достоверную.

Все нижеописанное произошло в столице Египта Каире, славном своими пирамидами, а равно и их законными хозяевами — почившими в египетском бозе фараонами.

Солнечным декабрьским днем по главной улице Каира Аль-Муиз, иностранцами называемой просто Муски, неторопливо шел молодой человек высокого роста и худощавого телосложения, с любопытством озирая средневековые достопримечательности, которыми так славится главная улица египетской столицы. Мечети, медресе, жилые дома, фонтаны и крикливые торговцы в живописных длинных белых рубахах и пестрых головных платках — кúфиях, торгующие чем придется, от питьевой воды до

весьма подлинных папирусов времен Аменхотепа Четвертого, воспевающих бога солнечного диска Атона, которого некоторые считают единым Богом египтян, как Саваофа иногда считают единым Богом иудеев и христиан, — так вот, все это и многое другое составляло особенный аромат здешних кварталов, аромат, соблазнительный даже для местных жителей, не говоря уже о праздных иностранцах. Зимой в Египте сравнительно прохладно, и столбик термометра редко поднимается выше пятнадцати градусов по Реомюру¹, а сейчас и вовсе было утро, и потому поверх голубой сорочки на юноше была накинута болотного цвета студенческая тужурка, вполне способная уберечь своего хозяина от особенно злых порывов утреннего ветра.

Молодой человек был брюнет и при особенно богатом воображении даже мог быть принят за местного жителя, однако имел тонкие черты лица, что иногда встречается среди турок, но почти никогда — среди арабов. Так или иначе, брюнет этот не был ни турком, ни по давню арабом. Молодой человек был русский подданный, и звали его Нестор Загорский, или, точнее, Нестор Васильевич Загорский, как он иногда рекомендовался, что называется, ад каптандум респектум², для пущего уважения, которого иной раз так не хватает юношам, только-только вступающим в самостоятельную жизнь.

Нестор Васильевич Загорский был студентом Московского университета, куда он поступил после того, как по примеру многих дворянских недорослей окончил кадетский корпус. Вследствие всего

¹ 15 градусов по Реомюру — примерно 20 градусов по Цельсию.

² Ad captandum respectum (лат.) — для снискания уважения.

вышеперечисленного в худощавой, но крепкой его фигуре отражалась военная выправка, а в лице — присущая студиозусам интеллигентность. В Каир, впрочем, попал он не по университетским делам, а по личным, о которых без крайней необходимости предпочитал не распространяться.

Прогуливаясь по улице Муски и бросая острые взгляды по сторонам, молодой человек заметил по левой стороне променада ювелирный магазин господина Рахманí, или попросту лавку, торгующую драгоценностями. Лавка эта выходила из ряда других домов, стоящих вдоль Муски, но не выходила вперед, а, напротив, как бы немного отступала от улицы назад. Правду сказать, для лавки она была слишком велика и роскошна, за большими светлыми окнами ее зазывно сияли брильянты, изумруды, рубины и иные сокровища, а также массивные изделия из золота, без которого, как известно, многие жители Арабского Востока и Индии жизни себе не мыслят и предпочитают лучше лежать мертвыми, но с ног до головы в золоте, чем жить в достойной бедности. Часто случается, что даже самый неимущий египтянин в складках своего рубища хранит каплю-другую застывшего золота, а уж люди состоятельные стараются украсить жизнь благородными металлами и драгоценностями так, что иной раз роскошь эта назойливо шибает в глаза, как где-нибудь в Китае прямо на улице шибает в нос чесночным и перечным духом.

Загорский был русским человеком, несмотря на молодость, имел тонкий вкус и драгоценностями не особенно интересовался; во всяком случае, не мечтал иметь их в собственности и уж давно носить на себе пудами, вроде того, как какой-нибудь верблюд, нагруженный жадным хозяином, безропотно